

Борис МИСЮК

ПОЛВЕКА В ОКЕАНЕ

*История рыбных промыслов Дальнего Востока
в рассказах, очерках, репортажах*

Борис Мисюк

**Полвека в океане. История
рыбных промыслов Дальнего
Востока в рассказах,
очерках, репортажах**

«Инфра-Инженерия»

2017

УДК 82-8
ББК 84

Мисюк Б. С.

Полвека в океане. История рыбных промыслов Дальнего Востока в рассказах, очерках, репортажах / Б. С. Мисюк — «Инфра-Инженерия», 2017

ISBN 978-5-9729-0194-4

Главное внимание автор уделил людям – своим героям, дальневосточным рыбакам, живущим и работающим на этих «физически и морально устаревших» железяках и успешно кормящих страну. Автор провёл с ними в море более половины этого самого ПОЛУВЕКА. Книга будет полезна курсантам училищ, студентам и преподавателям вузов, научным сотрудникам и всем, кто специализируется в областях, связанных с рыбным хозяйством.

УДК 82-8
ББК 84

ISBN 978-5-9729-0194-4

© Мисюк Б. С., 2017
© Инфра-Инженерия, 2017

Содержание

I. Зачин	6
II. Сельдь тихоокеанская	11
Сельдь Охотского моря	13
В Олюторском заливе	18
III. Минтай, «рыба века»	27
Из морского дневника:	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Борис Мисюк
Полвека в океане. История рыбных
промыслов Дальнего Востока в
рассказах, очерках, репортажах

© Мисюк Б. С., 2017

© Издательство «Инфра-Инженерия», 2017

* * *

I. Зачин

Если ты живёшь на берегу океана, а пуще того – на острове, то есть куда ни кинешь взгляд – по всей розе ветров – вода, тебе не прожить без того, что водится в этой воде. А Тихий океан не зря зовут Великим: он велик не только размерами, а и несметными сокровищами. И прежде всего, разумеется, рыбой. Вполне естественно, дальневосточники – в первую голову рыбаки. Не рыболовы-любители с удочкой, а профессиональные промысловики, неделями, месяцами, а нередко и годами живущие в море, на борту траулеров, плавучих баз и заводов. Это их руками добываются из океана миллионы тонн рыбы и морепродуктов, таких как белковый рекордсмен кальмар, натуральные афродизиаки – мечта любого ловеласа – краб, креветка, моллюски всех видов, в том числе знаменитые устрицы и вкуснейшие гребешки, трубачи, мидии, голотурии-трепанги и др. Французы, например, в год производят и съедают около полутора миллиардов штук устриц! Так что мы здорово отстаём от них не только по употреблению спиртного, хотя в последнее верится с трудом, не правда ли?..

Итак, впредь, на тихоокеанские рыбные промыслы! Однако необъятное не объять, поэтому прошу не судить строго, а дополнять – пожалуйста!..

Лов рыбы ставными неводами был хорошо освоен японцами, жившими до войны на Сахалине. Они знали, в какие месяцы и в каких районах рыба подходит к берегу на нерест, и потому всегда были готовы к промыслу, рассчитывая на очень короткий срок путины весной. Руководил бригадой японский бригадир (синдо, «по-русски»: *капитана*) под контролем нашего синдо. Японцы были исполнительными, дело знали хорошо, вели себя смело даже в шторм. Они обучили наших рыбаков секретам добычи рыбы ставными неводами, научили и особенностям установки неводов, их изготовления и ремонта.

Весной сельди было так много, что вся прибрежная полоса белела от молок и икры. Подходы сельди зависели от температуры воды, поэтому первые её подходы были в районе Невельска-Холмска, потом смещались на север, а чуть позже – в залив Анива и на восточный берег Сахалина. Обычно невода начинали выставлять в марте, а в апреле ждали массового подхода сельди. Добыча производилась с кунгасов, а самоходный флот (катера, кавасаки) обслуживали бригады этих неводов. Катера буксировали кунгасы во время установки неводов со всеми необходимыми материалами. После установки невода буксировали кунгасы для обслуживания, т. е. дежурили у неводов вместе с бригадой и ждали рыбу. С появлением сельди в неводах рыбаки перебирали их и выливали рыбу в кунгасы. Когда её было не так много, рыба доставлялась прямо в кунгасах в цех переработки.

На промысле сельди работали сотни кунгасов и лодок, много бригад. Это была основная рыба того времени! Население страны традиционно уважало её как продукт питания. Сельдь давала доход рыбным предприятиям и заработок рыбакам и обработчикам. Брели сельдь тысячами тонн, что окупало все расходы по добыче. Японцы-рыбаки жили в отдельных палатках, сами готовили себе пищу, иногда пользовались тем, что было приготовлено русскими поварами. В тёплые солнечные дни все ели на берегу, где были установлены столы, скамейки и печь под навесом. Это называлось по-флотски «камбузом».

Когда же начинался ход сельди, люди сутками работали в море без сна и отдыха. Так продолжалось до тех пор, пока не заканчивалась путина. Иногда шторм нарушал установленный порядок. Тогда люди не выходили в море, отдыхали на берегу. Как правило, штормы приносили много неприятностей: повреждали невода, срывали крылья, обрывали оттяжки. Восстанавливать невода надо было срочно, потому что после шторма начинался подход сельди. Во время весенней путины рыбаков ежедневно посещали представители горкомов, трестов, рыбокомбинатов. Контроль был «на недостижимой высоте»!

Сельдь лучше всего шла в ночное время. Чтобы поднять настроение рыбаков и как-то их согреть, иногда по распоряжению горкомов в море направляли буфеты. Как были рады рыбаки такой заботе! Для «сугрева» выпивали по 100–150 граммов спирта, закусывали и с новыми силами приступали к работе. Пьяных среди рыбаков в море не было! Не было пьянок и на берегу. Встречались отдельные выпивохи, но это были люди из посёлков, что находились рядом с рыбацким станом. К середине 60-х годов подходы сельди к берегам Сахалина значительно сократились. Уменьшилось число промысловых бригад. Многие рыбокомбинаты отказались от постановки ставных неводов для лова сельди. Невода ставили для лова горбуши, которая шла на нерест в июле-августе. Подходы этой рыбы были не каждый год богатые. Конструкция неводов и способ их постановки схожи с неводами для лова сельди. Однако ячея дели, из которой готовился невод, была более крупной.

Обработка горбуши куда более сложная: каждую нужно распотрошить, отделить внутренности, икру и молоки, после чего очистить от крови и промыть. Только после этого она шла в посол. Солили каждую рыбку отдельно, набивая внутрь соль и укладывая в чаны. В связи с сокращением массовых подходов рыбы к берегам Сахалина большинство предприятий рыбной промышленности стали убыточными и были сокращены.

Численность сахалино-хоккайдского стада сельди в 1958 году стала очень низкой. Полностью был прекращён лов нерестовой сельди ставными неводами, основу промысла стала составлять нагульная сельдь (до 30 % жирности!), отлов которой вели кошельковыми неводами суда базы сейнерного флота и рыбокомбинатов. Но этим судам не хватало скорости при обмёте косяков неводами. На судах типа СО-300 (сейнер океанский) был внедрён для лова сельди трал вместо кошелька. Им стали брать сельдь не только при волнении моря до 6 баллов, но и на значительных глубинах – до 130 метров. Перед сахалинскими рыбаками открылись широкие перспективы освоения новых промысловых районов, в первую очередь Охотского моря. Расширился район промысла и в Татарском проливе, отделяющем остров от материка. От Александровска до мыса Крильон вели добычу суда прибрежного лова государственных предприятий и колхозов кошельками, тралами, ярусами, дрифтерными сетями. Хотя уловы рыбы ярусами и дрифтерными сетными порядками были незначительными, важно было то, что добывающий флот набирал силу. Суда начали работать круглогодично. Это позволило производственному объединению «Сахалинрыбпром» зимой 1955/56 года организовать экспедиционный лов трески, камбалы, краба, кальмара.

Уже в начале 50-х годов начался переход от прибрежного лова рыбы к морскому. Было создано в Невельске управление активного лова, флот которого начал вести промысел рыбы у берегов Камчатки. Первое время лов производили тралами суда типа СРТ-300 (средний рыболовный траулер с машиной мощностью 300 лошадиных сил). Позднее район промысла переместился в Берингово море, в заливы Бристоль и Аляскинский. На смену СРТ-300 пришли СРТР-540 (средний рыболовный траулер-рефрижератор) и СРТР-400, а в последние годы – СРТМ-800 (средний рыболовный траулер-морозильщик) и БМРТ (большой морозильный рыболовный траулер). Очень трудно было работать в осенне-зимний период, когда штормовые ветры не утихали неделями. Районы промысла покрывались льдами. Суда подвергались обледенению, и команды производили обкалывание льда иногда сутками. Длинные экспедиции были в Бристольском и Аляскинском заливах. Эти районы очень тяжёлые по метеоусловиям. Недостаточное количество приёмных плавучих баз сдерживало сдачу рыбы. Штормовые погоды не всегда позволяли получить топливо, воду, продукты. При отсутствии или ограничении пресной воды команды сутками не умывались, экономя её для приготовления пищи. Всё перенесли моряки тех времён, всё ушло в прошлое, но одно не забывается и вряд ли забудется. Тогда в Бристольском заливе в шторм при сильном обледенении погибло четыре СРТ-300 вместе с экипажами.

1965 год. Траулеры “Бокситогорск”, “Севск”, “Себеж” и “Нахичевань” работали в Беринговом море, неподалёку от западного побережья Аляски. Трагедия унесла жизни 100 моряков, но не была известна общественности. Если бы не товарищи погибших, об утонувших рыбаках вообще никто бы и не вспомнил...

СРТ, средний рыболовный траулер

В ночь с 18 на 19 января руководство Берингоморской промысловой экспедиции передало на все суда, находящиеся в море, радиограмму о приближающемся шторме. Всем промысловым судам необходимо было срочно отходить на север, к границе сплошных льдов, но соблюдать при этом крайнюю осторожность: многие траулеры были старыми, их корпуса могли не выдержать натиска льдов. Шторм в ту ночь действительно разразился страшный: порывы ураганного ветра достигали 35 м/секунду, а температура резко упала до -30°C . Под воздействием сильного ветра кромка сплошных льдов сместилась на 60–80 миль к югу. Лёд ломался и полосами двигался навстречу рыболовецким судам, угрожая пробить их корпуса. Неизвестно, льды ли были причиной потери остойчивости судов или обледенение, вызванное заливанием водой при сильном ветре, но жестокого шторма в тот день не выдержали целых четыре дальневосточных рыболовных траулера. Первым в 12:39 19 января 1965 года затонул СРТ “Бокситогорск”, на борту которого было 25 человек экипажа. На глазах у экипажа траулера “Уруп” это судно, не выдержав тяжелейших условий десятибалльного шторма, перевернулось. Двух людей, находившихся на борту, смыло в воду. “Уруп” сумел спасти одного из них – старшего мастера добычи СРТ “Бокситогорск” Анатолия Охрименко, который буквально примёрз к днищу перевернувшегося траулера. Немного позже было найдено тело матроса Валентина Ветрова. Все остальные члены экипажа затонули вместе с судном. Однако, если гибель “Бокситогорска” хотя бы кто-то видел, то остальные три судна, пропавшие 19 января – “Себеж”, “Севск” и “Нахичевань” – затонули при невыясненных обстоятельствах. Поиски этих судов результатов не принесли, были найдены лишь вещи с “Севска” и “Себежа”. Власти, как и во многих других случаях трагедий в СССР, попытались не разглашать информации о гибели судов и 100 членов их экипажей. Многие жители Находки несколько лет и вовсе ничего не знали о случившемся!.. Родственники погибших даже не получили материальной компенсации. В 1967 году в Невельске был установлен мемориал “Памятник экипажам судов “Севск”, “Себеж” и “Нахичевань”, погибшим 19 января 1965 года на трудовом посту”, и лишь в 1979 году на сопке Лебединой в Находке открыли мемориал “Скорбящая мать”, у подножья которого высечены имена 24 моряков, погибших на траулере “Бокситогорск”...

Исследовали и осваивали моря Дальнего Востока, открывали новые районы промысла. Строили новые береговые базы по приёму рыбопродукции на острове Спафарьева под Магаданом, в Олюторском заливе, что на самом северо-востоке Камчатки, в Северо-Курильске, на Шикотане. Резко изменилась промысловая обстановка, когда поступили суда СРТМ-800, РТМ, БМРТ, построенные по последним проектам, с учётом всех недостатков, которые имелись на судах первых проектов. БМРТ освоили районы добычи рыбы у берегов Антарктиды, Австралии, Южной Америки, Африки, Японии. Зверобойными шхунами и ЗРС (зверобойно-рыболовное судно) освоены районы промысла морского зверя у Шантарских островов, в Охотском море. Вели промысел зверя и в Беринговом море суда БОР, Базы океанического рыболовства. Результаты были хорошие.

Поступившие новые плавбазы и плавзаводы, в том числе супербазы японской и отечественной постройки, облегчили приём рыбы от судов в промысловых экспедициях. В результате более двух третей выловленной рыбы сдавали на берег в виде готовой продукции – мороженой в брикетах, пресервов и консервов. В 1967 году сахалинские рыбаки первыми на Дальнем Востоке освоили добычу океанической рыбы скумбрии. Центр тяжести обработки рыбы переместился на флот. Только в 1970 году суда выпустили 430 тыс. центнеров слабо- и среднесоленой сельди, около 729 тыс. центнеров мороженой рыбы, из отходов рыбы вырабатывали свыше 126 тыс. центнеров кормовой муки.

Капитан П. С. Богатырёв

67 сахалинских экипажей в 1979 году завершили свои плановые задания. Рыбаки траулеров «Боцман», «Рощино», «Сурск», где были капитанами лауреаты Государственной премии СССР Павел Степанович Богатырёв, Август Арнольдович Теоллан и Николай Фёдорович Рябкин, выполнили две пятилетки. Богатырёв – участник Великой Отечественной войны, в боях под Витебском 9 ноября 1944 года он был тяжело ранен и контужен. Награждён орденом Красной Звезды. Я познакомился с ним на промысле в районе Южных Курил. Работая спецкором радиостанции «Тихий океан», узнал по радио о его награждении: «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1980 года за выдающиеся успехи, достигнутые в выполнении заданий десятой пятилетки по добыче рыбы, *Богатырёву Павлу Степановичу* присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина

и золотой медали «Серп и Молот». Его СРТМ «Боцман» как раз сдавал рыбу на плавбазу, на которой находился я. Так и прозвучал мой репортаж о славном капитане на волнах «Тихого океана», вещавшего «от Арктики до Антарктики» для рыбаков и моряков Дальнего Востока.

СРТМ

Большой вклад в успешное выполнение заданий по вылову рыбы внесло Корсаковское управление океанического рыболовства, флот которого увеличил объем производства более чем в два раза, реализовал на 14 млн. рублей сверхплановой продукции.

Добыча рыбы и морепродуктов возросла со 111 тыс. тонн в 1946 году до 1 млн. тонн в 1990-ом, производство рыбных консервов за тот же период – с 5,5 до 310 млн. условных банок. В 1970 году сахалинские рыбаки добыли 5708000 центнеров рыбы и морепродуктов, что составило примерно четвертую часть всей добытой рыбы на Дальнем Востоке. На курильских заводах за 10 лет выработка консервов увеличилась более чем в 13 раз и составила в 1971 году более 60 млн. условных банок. Для вывозки готовой продукции с баз, расположенных на островах Спафарьева, Завьялова, в Олюторском заливе, Северо-Курильске и Южно-Курильске, а также с промысловых судов типа БМРТ были выделены транспортные рефрижераторы, суда-перегрузчики, которые забирали, доставляли ее во Владивосток и Находку, где были мощные холодильники.

(Пятилетов А. М. «Море остаётся с человеком», Ю.-Сахалинск, 1997 г.)

В ураганный шторм рыбаки, как все православные, осеняют грудь крестным знаменем и, как в зоне твердят «не верь, не бойся, не проси», повторяют свою промысловую мантру: *носом к волне, рыбу – стране, деньги – жене!*

II. Сельдь тихоокеанская

Море Охотское, море Беринга – два синих простора, вечно бурных, взъерошенных ветрами-тайфунами. А в изумрудных глубинах пронизаны они миллиардами серебряных стрел. Это, может быть, одна из самых красивых промысловых рыб, каждая чешуйка которой – натуральный перламутр, сверкающий и переливающийся всеми семью цветами радуги. Это она, *сельдь тихоокеанская* – *Clupea pallasii*.

Всеславная Википедия: Сельдевые относятся к старейшей из всех ныне существующих разновидностей рыб. Семейство сельдевых насчитывает 180 видов. Некоторые обитают в пресной воде, однако большинство представлено морской стайной сельдью. Сельдь обитает на глубинах до 200 м и является стайной рыбой. До такой степени стайной, что, будучи оторванной от коллектива, испытывает стресс, перестаёт питаться и погибает!

Длина косяка сельди может достигать 150 километров сплошной рыбы. Сельдь может доживать до 15 лет. Возраст сельди можно определить совсем как у дерева – по кольцам на чешуе. Сельдь – настолько популярный продукт, что в разных странах проводятся праздники в её честь. Три селёдки в золотых коронах украшают герб города Схефенинген в пригороде Гааги (Нидерланды); на первом гербе Переславля были изображены две золотые сельди в чёрном поле «в знак того, что сей оною копчёною рыбой производит торг». Осталось стилизованное изображение сельди и на современном гербе Переславля-Залесского; три сельди на гербе Рённе, города на острове Борнхольм (Дания); подлинное описание герба города Тагая, что в Ульяновской губернии, высочайше утверждённого 22.12.1780 года; глаголю: «...река въ зелёномъ поле, по которой плывёт рыба, именуемая сельдь: ибо протекающая въ сёмъ городе река имеет сіе имя». Сохранилась сельдь и в современном гербе.

Селёдка – одно из излюбленных лакомств норвежцев. По словам Мартина Андерсена-Нексе, сельдь норвежцы употребляют 21 раз за неделю – то есть три раза в день!

Селёдка – самая популярная в России рыба. Ёмкость рынка в стране оценивается в 500–550 миллионов тонн в год (!), что делает Россию крупнейшим потребителем сельди в мире.

В начале XX века, когда промысел сельди был массовым, её опавшую чешую собирали и перерабатывали в искусственный перламутр и жемчуг.

Известны случаи, когда за сутки современного промысла добывалось более 100 тыс. тонн сельди.

Важным эпизодом Столетней войны стала *Селёдочная битва*. Французы напали на обоз, доставлявший английским войскам селёдку. Англичане ловко воспользовались сельдяными бочонками как прикрытием: сначала отбили атаки превосходящих сил противника, а затем, перейдя в контратаку, разгромили французов.

Автором знаменитого салата «*Сельдь под шубой*» считается купец Анастас Богомилов, хозяин популярных столовых и трактиров в Москве, который дал закуске название «Шовинизму и Упадку – Бойкот и Анафема», или просто «Ш.У.Б.А.». Впоследствии имя автора рецепта популярного салата забылось, а саму закуску стали называть просто «Селёдка под шубой».

Интересно, что известная фраза Ипполита из фильма «Ирония судьбы или С лёгким паром!» Эльдара Рязанова «Что за гадость эта Ваша заливная рыба!» привела к тому, что после выхода фильма в прокат селёдка под шубой обошла по популярности заливную рыбу! Самая большая «Селёдка под шубой» была приготовлена на Дне селёдки в Калининграде в Музее Мирового океана. Блюда калининградских поваров присвоено звание «Самый большой салат в России». Вес его составил 488 кг, длина – 12 метров. На изготовление рекордного блюда потратили 50 кг сельди, 98 кг свёклы, 94 кг моркови, 158 кг картофеля, 720 яиц, 50 кг майонеза.

Большое количество сельди поставлялась в Россию, так в 1793 году в российскую столицу было завезено заграничной рыбы на 246 000 рублей, из которой 93 % составляла селёдка. В солёном виде сельдь спасала Россию в разные времена от голода: и во время революции, и во время Великой Отечественной войны... Тем более, что свежая малосоленая селёдка была доступна круглый год, благодаря навыкам подлёдного лова да природным условиям с ранними и долгими морозами, позволяющими хранить в первозданной свежести сельдь позднего осеннего лова до открытия следующего промыслового сезона.

А знаете, что такое «перейти на карие глазки»? Это студенты одесского Водного института, в три дня проев-пропив стипендию, то есть стипендию, брали в гастрономе копеечную солёную селёдку и, заглядывая в её действительно карие после посола глаза, уминали с хлебом (в студенческой столовке он был бесплатным) и запивали почти бесплатным чаем без сахара.

Сельдь Охотского моря

«Кто не пробовал селёдки Охотского моря – тот селёдку не ел вообще». Эту фразу приписывают Леониду Ильичу Брежневу.

Права получить лицензию на отлов этой рыбы в территориальных водах СССР добились многие страны, в том числе Япония и Корея. И даже США, хотя там никогда не держали океанского промыслового флота. Популяции сельди Охотского моря по промысловой значимости занимают одно из первых мест. Так в 1950-х годах величина вылова в этом районе достигала 600 тыс. тонн. Что привело к уменьшению популяции, и этот огромный промысловый район был закрыт на три года для её восполнения.

Вот она какая, наша охотоморская селёdochка! И как мы не умеем ценить то, чего у нас вдоволь, так и *дербанили* мы её по полмиллиона тонн в год. А главное, вторую половину того миллиона чаще всего «сдавали морскому подшхиперу». Я был свидетелем этого варварства. Когда наши береговые рукой-водители в золотых галунах, не умея планировать промысел, создавали в море вечную толкучку «малышей» (так начальство называло сейнера и траулера) у борта плавбаз в длинной очереди на сдачу улова, рыба портилась, её вываливали за борт и шли снова на лов. Избыток добывающих судов и нехватка приёмных, рыбообрабатывающих – долгие годы это было бичом промысловых экспедиций. Мы секретили эти дела не хуже военной тайны, одновременно клеймя *«гримасы свободного мира»* – выбрасывание на свалку «лишних» продуктов. Бревно в глазу соревновалось с соломинкой...

Славный левиафан плавбаза «Десна» через три года отметит редчайший для флота – столетний! – юбилей. А тогда, в 1970-м, мы в Охотском море, на промысле сельди под Магаданом, праздновали – тоже ведь редкость для парохода – её 50-летие. Да, она жива по сей день! Правда, в ином обличье: говорят, где-то в индийском порту стоит она на вечном приколе в качестве ресторана и отеля. Мы продали её по цене металлолома, а там умные люди увидели, что корпус судна сделан из стали самого высокого, старинного качества, практически не поддающейся коррозии, причём толщина бортовой обшивки – целых 26 мм, броненосец, не пароход!

Работало нас на этом броненосце меньше двухсот человек, тогда как на других плавбазах – от трёхсот до семисот. Дело в том, что «Десна» – это колхозная ферма в сравнении с огромным заводом. Целых десять лет её переоборудовали в Шанхае из американского транспорта типа «Либерти» в сельдевую плавбазу: котлы перевели с угля на мазут, а в трюмах устроили примитивные цеха для бочкового посола сельди. Никакой автоматики – только резиновая конвейерная лента для сухого посола рыбы да гремучий транспортёр, на котором, предварительно пройдя утряску на вибраторе, чуть подпрыгивая на рёбрах-балясинах, шествовали сто- и стодвадцатилитровые дубовые бочки, доверху набитые живым серебром, к бондарям на *забондаривание*, то есть закрытие крышкой-донником, и – на верхнюю палубу, на созревание. Это называлось – полуфабрикат. Примерно через неделю бочки заливали рассолон-тузлуком, затем спускали в охлаждаемый трюм. И всё! И никаких тебе банок – ни пресервов, ни консервов, как на других, современных плавбазах и плавзаводах...

Поднимать – *вирать* бочки с селёдкой на палубу, опускать – *майнить* их в трюм, затем перегружать на борт транспорта – всё это было моей работой. Матрос-лебёдчик – отличная должность! Почему-то нас было мало на «Десне». Из-за этого однажды во время перегруза готовой продукции на судно-рефрижератор я установил рекорд, отстояв на лебёдках двадцать шесть часов подряд, с короткими перерывами на обед и ужин. В стальной строп-сетке умещалось 16 бочек, это около трёх тонн, а паровые лебёдки на «либертосах» (суда типа «Либерти») в военные годы вытаскивали из трюмов тридцатитонные танки, так что стоит на миг зазеваться, чуть сильнее поддёрнуть рычаги – и строп с бочками мячиком на

резинке взлетает под самый нок грузовой стрелы. Когда же подходит транспорт с бочкотарой, это вообще весёлая работёнка. Строп-сетка, с горой нагружённая, считай, соломой, летает пухом с борта на борт, только успевай орать в трюм «Полундра!», чтобы работающие там, в глубине, ушли с просвета люка. И невольно вспоминается роман Василия Аксёнова: *«Затоварились бочкотара, зацвела жёлтым цветком, затарилась, затюрилась и с места стронулась»*.

Бондарный цех – одно название – это был участок цеха-трюма вдоль линии транспортера, с четырьмя (по числу бондарей) маленькими площадками рифлёных плит, на которые бондаря одним коротким рывком сворачивали сто сорокакилограммовую бочку с селёдкой и в темпе её обрабатывали. Это занимало десятка два секунд: с помощью специальной, слегка раздвоенной на конце железки с деревянной ручкой – *набойки для осадки обруча*, и главного инструмента – двухкилограммового бондарного молотка, птичкой летающего в руке бондаря, чуть приподнимался верхний обруч, бочка накрывалась крышкой-донником и *зобондаривалась*, то есть обруч осаживался на место. Четверо бондарей работали лихо и слаженно, точно барабанщики модного ВИА, вокально-инструментального ансамбля. А ещё двое неподалёку работали с аксёновской бочкотарой – разбондаривали пустые бочки, гулкие, как настоящие литавры. Броня, Бронислав, бригадир-*бугор* бондарного цеха, рыжий и ражий малый годов сорока, на котором так ладно сидела синяя, отличная от всех зелёных, телогрейка, пропустив вперёд три бочки с рыбой, останавливал нажатием кнопки громышающий транспортёр и рвал на себя четвертую *кадушку*, как называли бочку матросы, усиленно борясь со скукой и автоматной монотонностью труда. Самих матросов-рыбообработчиков на плавбазе именовали *хомутами*. Бондарей так не называли, их выделяли, как и барабанщиков в оркестре, и уважали. Они ведь задавали ритм всей работе цеха, служа метрономом, звукорежиссёром процесса. Броню любили женщины, очень малочисленный отряд на «Десне», примерно один к десяти в отношении к мужикам, и сам капитан-директор на каждый праздник неизменно одаривал *бугра* бондарей премией и благодарностью.

Между вахтами я высиживал в каюте, словно клуша в гнезде, свою кладку – «Юморские рассказы», гордый тем, что так гармонично соединились два чудесных слова: юмор и море. И каюта моя на левом борту, да с видом на море, голубела и зеленела, превращаясь в гигантский аквариум, точнее в океанариум, в котором плескались старинные друзья мои дельфины, шастали сельдевые акулы и пыхтели фонтанами сельдевые киты сейвалы. Под дробь бондарного секстета в колышущихся зарослях ламинарий дефилировали сам Сельдяной Король с Королевой к трону. Там, в подводном царстве, как и в надводном, хватает королевств и тронов. А ведь и в самом деле есть такая рыба Сельдяной Король, можете проверить по рыбному реестру. Это настоящий монстр – от трёх с половиной до семнадцати метров в длину, с длинным красно-оранжевым венцом на уродливой голове. Ну, монстр на троне – не редкость. И – по секрету – он подозревается в каннибализме, как и некоторые африканские вожди. Да, Сельдяной Король, говорят заикаясь некоторые учёные, пожирает сельдей!..

А у меня, между прочим, застарелая страсть – обличать всяких таких вождей и в меру сил бороться с ними. Мой друг, моряк, капитан и поэт, Валентин Кочетов как-то подарил мне книжку своих стихов и так, в лесенку, по-маяковски, подписал: *Боб, Боря, Борис, Борись!!!*

Ох ты, Сельдяной Король... Недаром сказано, что каждый народ имеет то правительство, которое заслужил. Но чем же сельди, красавицы серебряные, так провинились? А вот, видно, тем как раз, что шибко стайные и в одиночку «испытывают стресс, перестают питаться и погибают». Ну, прям все в меня! Я тоже часто, сидя вот так, в одиночестве, в каюте, забываю про обед. И вот в один такой день, не встретив меня в кают-компании за обедом и заподозрив, что погибаю, заглянул ко мне в каюту Док, приятель мой, судовой врач Толя Суворов. Верста коломенская, как говорится, под два метра вверх, но тощий, как нерестовая селёдка (нагульная, та толстенная, как качалочка, жирная). Мы с ним рядом – Пат и

Паташон, Тарапунька и Штепсель. Не зря мне и трёх букв хватает – Боб, а ему восемь подавай – Анатолий. Да ещё ведь айболитов принято по батюшке, по отчеству, величать, так что тут вообще туши свет и считай в темноте те буквы: А-н-а-т-о-л-и-й В-а-с-и-л-ь-е-в-и-ч... Но для меня он тоже трёхбуквенный – Док. А во лбу у него классическая залысина, а на ней три волосины, бабник потому что: по чужим подушкам перья свои растерял. У него в лазарете аж две тётки – медсестра и санитарка, это из двух всего десятков баб в экипаже! Притом, самую красивую выбрал он себе в медсёстры – Светку, королеву двадцатилетнюю. Никакая она не медсестра, он взял её и выучил, как зелёной пользоваться да спирт разводить...

Неожиданно загляделся я на Докову причёску и чуть не подпрыгнул, сидя на стуле: да он же вылитый Сельдяной Король! Только смазливый. И Светка под стать – Сельдяная Королева. Она действительно ходит в цех подрабатывать на сортировке рыбы или трафаретке бочек – на квартиру копит. На доннике потом читаешь трафарет: *Сельдь тихоокеанская крупная* или *Сельдь тихоокеанская мелкая*. Блатная она девка вообще – как хлебнёт маленько, так и шпарит флотские частушки:

На селёдке я была, бочки трафаретила. Как подкрались два орла, я и не заметила!..

А горных орлов с Кавказа на «Десну» слетелось немало: где заработок – там и орлы. И до тёток охочи же! Хотя ради денег готовы на всю путину кое-что узлом завязать.

Дылда Док, да ведь точно – это он, он, самый настоящий Сельдяной Король! Вот, вот с него именно и надо писать...

– Извини, Док, я работаю, – это я пытаюсь выкурить его из каюты со всеми его душе-спасительными разговорами. Он же коренной москвич, интеллигент хренов, язык почесать – хлебом не корми.

– Ха! Вы только посмотрите на него, господа присяжные, он ра-бо-та-ет! Вон, – Док кивает на открытый иллюминатор, откуда доносится барабанная дробь бондарных молотков, – вон кто работает! А ты, пардон, дурью маешься. Ну, так и вот айда в лазарет, лечить тебя буду! Так и быть, налью тебе ректификатика полста грамм...

Ну и куда ж тут денешься, пришлось прервать творческий процесс. А там, в лазарете, и вот это ещё искушение вдохновительное – Светка в белой косыночке, свёрнутой короной-кандибобером. Ну, точняк на роль Сельдяной Королевы пойдёт!

Когда слышу золотые слова «Миром правит любовь», невольно перед глазами... нет, не красавицы «Десны», а весенний берег Охотского моря, где – помните? – *сельди было так много, что вся прибрежная полоса белела от молок и икры*.

– Светик, приветик! Когда уже ты и мне такую королеву найдёшь? А то я тебя у Дока отобью.

– Второй такой Светик не водится на свете, – рифмует Док.

– Да я уж и крокодилицу приласкать готов. Или эту, верблюдицу.

– Надо правильно выражаться – верблядь! Ты ж у нас письменник.

– А ты ж москаль, Док, но украинские слова, я слышу, знаешь. Добро, тогда переведи на русский фамилию, которую будет носить наш капитан-директор, герой моих «Юморских рассказов» – Шахрай.

– Ну-у, фамилия вообще-то распространённая. М-м-м, – мычит Док, – не знаю, сдаюсь, господа присяжные.

– Добро, намекну. Вы же знаете, что он селёдочной икрой приторговывает – японцам продаёт, на плавбазу «Хое-мару». У япошек же традиция: на Новый год в каждой семье должен быть хоть один ястык именно селёдочной икры. А валютой он потом делится с береговым начальством...

– Вор?! – выпалила Светка, не прерывая готовку закусона – селёдки под шубой. Я покачал головой: нет.

– Угодник, подхалим? – это Док.

– Подхалим – пидлабузник. А распространённый, как ты говоришь, Шахрай – это жулик!

– Ну, так и вот, господа присяжные, за нашего жулика! – Док поднял мензурку с мениском спирта на риске 50 г, налил мне в стопарик и повторил дважды эту операцию – Светке и себе.

На сельдовой путине такие праздники – редкость: Магадан далеко, а вся остальная цивилизация – и того дальше. И мы разгулялись, разболтались и в конце концов раскололи Дока на вторую операцию ещё по пятьдесят. После чего он спрятал плетёный десятилитровый сосуд (в нём было уже не больше литра) в сейф, закрыл на ключ и, строго взглянув на Светку, спрятал его в карман.

– Вот я расскажу вам, ребята, как я однажды стал садистом, – раскинув руки по подлокотникам гинекологического кресла, расслабился после второй рюмашки Док. Ну, вы же знаете, что я раньше служил на крейсере и был – *кораблятский коновал*! Ну так и вот, как-то перед праздником, Днём военно-морского флота, командир лично, взяв с собой замполита и меня, решил сделать обход корабля. Проверили каюты, кубрики, все БЧ, даже в машину заглянули – везде порядок, никакого криминала. На самой верхотуре, на пеленгаторном мостике, зашли в калориферную и завертели носами, учуяв нечто. И – вот он, в укромном уголке, под рогожей, наш родимый ПХВ, полихлорвиниловый вкладыш для сто двадцатилитровой бочки. Полнёхонек, неплотно так завязан поверху пеньковым обрывком и знай себе попыхивает в теплоте сивушно-бражным духом. Командир классическим баритональным басом – замполиту, тенору:

– Комиссар, а ну-ка определи, когда бражка созреет?

Замполит зачерпнул ладошкой, продегустировал бражку и ответственно ответил:

– Завтра!

– Док, – повернулся ко мне командир, – у тебя есть пурген?

– Так точно!

– Давай тащи сюда. Грамм двести. А лучше триста.

– Но этого хватит не на одну лошадь, – говорю, – а на всю конюшню.

– Вот и славно. Пусть конюшня море удобряет...

Ну, так и вот, господа присяжные, через два дня (комиссара, зная, нюх подвёл) на трое суток всю БЧ-5 вырубило.

Дока явно вдохновило внимание слушателей – мы со Светкой и про закуску забыли. Ну и вот так и вот, как говорит Док, появилась у меня в томе «Юморских рассказов» целая серия под названием «Айболиты»: «Садисты», «Терапунька» (это он про свою любовницу терапевтшу поведал, не стесняясь Светки), «Ад узум» (*вовнутрь* с латинского, про то, как два матроса спёрли у него камфарный спирт и пробовали его употребить) и «Диагноз». Последний стоит хотя бы коротко пересказать. Это было уже на «Десне». Рулевой пришёл к нему с жалобой на печень. Ещё в армии он гепатит поймал, желтуху, ну а тут прямо скрутило парня. И Док мигом «поставил диагноз»:

– Ты со вторым штурманом вахту стоишь?

– А-а, – раскрыл рот матрос, – как вы узнали?

– Жареная картошка по ночам на говяжьем жиру.

– Ага, – восхитился матрос, забыв про боль. – Вы прям как подсмотрели! Это ж у нас традиция...

Богомазы, свидетельствуют летописцы, постились, прежде чем взяться за кисть. Я же, вернувшись в свою каюту, не удержался и после «ад узум» засел за «юморские». Под бондарный секстет, представьте себе, классно работалось, ну то есть, пардон, *дурью маялось*. Ай, спасибо, Док! И вновь каюта превратилась в океанариум, и поплыли сначала Сельдяной Король со Светкой Королевой, а следом могучие сейвалы, заглатывающие косяк сель-

дей, фильтруя тонны воды целой сотней полуметровых пластин волосатого китового уса. За ними, взрезая серебряные стаи, продолжали беспредел сельдевые акулы капитализма... совсем как нынче на святой некогда Руси. А косяки, как и положено косякам, сплочёнными косяками плывут и плывут им навстречу, безмолвствуя, как выразился Пушкин без малого двести лет назад в драме «Борис Годунов». И это – тоже он:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Где-то лет через десять случайно залечу в Москву (не люблю вообще бывать там) и презентую Доку, приземлившемуся на родине, свою книжку с таким автографом:

Дорогому Айболиту Анатолию-свет-Васильевичу на память о селёдке, бондарях, «Десне»-броненосце и её командире Шахрае. Дурью отмаявшись, прошу не шибко строго судить меня, господа присяжные!

Владивосток. Декабрь 2016

28.10.85, пон. Скоро месяц как в море. Сплошные штормы-шторма, нордовые ветра до 30–35 м/сек. Редкая картина сегодня: чуть поредели, посинели облачные валы, засветлел горизонт на севере, высветились снежные хребты Колымы, ну прямо коралловые, а порой и хрусталём сверкают под лучами солнца, прячущегося в нахлобученном небе.

19.11.85, вт. – Судовое время 7 часов. По судну подъём. Сегодня 19 ноября, вторник. Погода: ветер северный, 12 м/сек., зыбь, давление 762 мм рт. столба, облачно... Дзын-н-нь!.. Проверка авральной сигнализации...

И так вот монотонно, на одной скрипучей ноте, изо дня в день – *ртутного столба, облачно* – вещает по утрам 4-й помощник, 24-летний старичок, издалека – мальчишка.

18.10.97. – Начальник колонны судов Преображенской Базы тралового флота Охотоморской промысловой Анатолий Иванович Твердохлеб: *В марте-мае сельдь в Охотском море просто губят – работают «доблестные» МРКТ (морозильно-рыболовные тральщики кормового траления) на минтае, им сельдь девать некуда, а её в прилове до 40 %. И практически вся – за борт!.. Суда, на которых сидят инспекторы рыбвода, сельдь морозят, но их – единицы. Говорит инспектор Охотрыбвода: Выловили в марте-мае (считая со ставными неводами) 65 тыс. т сельди. Соцварварство, капварварство – один хрен! – варварство. «После меня – хоть потоп...»*

В Олюторском заливе

Рыбозаводским мальчишкам, ходившим в школу Олюторского рыбокомбината, шесть километров пути до родного посёлка никогда труда не составляли. А сегодня, в такой ясный, послештормовой, солнечный день, к тому же после уроков, так и хотелось бежать вприпрыжку. Ко всему ещё, выйдя из класса, увидели они в заливе большой пароход. Впрочем, вы бы не заметили ничего достойного внимания. Вам показалось бы странным волнение мальчишек, взбудораженных чёрной точкой на горизонте, ослепительно синем горизонте залива. Но точка точке рознь. Это была жирная точка, продолговатая, видная далеко-далеко, куда дальше, чем обычно хватал глазом комбинатовские сейнеры даже самый глазастый из них. Им было в среднем по десять-двенадцать лет, а последняя промысловая экспедиция, работавшая на олюторской сельди, закончилась до их появления на свет. И потому большой пароход – это было почти такое же диво, как открытие клуба в посёлке или посадка межпланетного корабля, например, с Сириуса.

На рыбзаводе, мальчишки знали, сегодня с утра ошвартовался катер рыбинспектора дяди Кири Одинцова. Живёт он вообще в Пахаче, это от них часа два на катере, на запад, но в посёлке рыбзавода дядя Кирия совсем свой, потому что в десять дней раз, а то и чаще заворачивает свой «Норд» к ним в гости.

– Айда наперегонки! – Крикнул самый младший из мальчуганов и первый припустил к посёлку.

Вся ватага, трясая портфелями, в которых колотились пеналы с фломастерами, бросилась за ним.

Мальчишки успели как раз вовремя: «Норд» отходил от причала. Дверь его рубки была распахнута, и оттуда доносился напористый, сердитый голос дяди Кири:

– Плавбаза «Удача»! Плавбаза «Удача»! Я «Норд». Выйдите на связь. Приём!

Застыли мальчишки на запорошённом снегом причале и раскрыли рты, забыв даже слепить по крепкому снежку и запустить, кто метче, в корму уходящего катера. Ещё бы: о плавбазах они слышали только от отцов да ещё по радио – каждый день, утром и вечером, дразня воображение, говорила о них радиостанция «Тихий океан» из Владивостока.

– Плавбаза «Удача»! «Удача»... – Повторял дядя Кирия, и голос его постепенно исчезал в мягком рокоте мотора «Норда». А вот уже и самого мотора не слышать.

Катер ходко бежал в море, ныряя на зыби, озарённой низким, уже предзакатным солнцем. Только чайки всегда нелегко расстаются с тёплым оранжевым шаром и, провожая его, забираются всё выше и выше, ловят горный ветер и роняют с высоты дикие, странные вскрики.

Они кричат о счастье воли и тоске одиночества. Так думал порой рыбинспектор Кирилл Александрович Одинцов, глядя на них по вечерам, когда душой владело философское настроение. А появлялось оно и вот так – под магическим действием косых лучей заката, и по-другому – под прямым влиянием прочитанной хорошей книги. Старинная этажерка, плетённая из коричневых прутьев, занимала красный угол в доме инспектора. Отдельная полка на ней была отведена книгам современных морепроходцев-одиночек – Уильяма Уиллиса, Фрэнсиса Чичестера, Тура Хейердала, Вэла Хауэлза. Лет двести назад все ходили по морю под парусами, на больших кораблях – фрегатах, корветах, бригах, теперь же, в век электроходов и атомоходов, всё больше появляется путешественников-одиночек на плотках и утлых лодчонках. Ещё одна примета двадцатого века – тяга к природе, к одиночеству, к испытанию мужества. «Курс – одиночество» – так прямо и назвал свою книгу Хауэлз.

Для Кирилла Александровича хорошая книга была – святое дело, и был у него нюх на добрую книгу. По всему побережью Олюторского залива продавцы магазинов знали о

страсти рыбинспектора Одинцова и оставляли для него новинки. Так появилась в своё время на его этажерке «Оскальпированная земля» польской писательницы Антонины Леньковой, книжка, которой он особо дорожил, а недавно с ней рядом стал «Кит на закланье» канадца Фарли Моуэта. Какой же он умница, этот Моуэт!..

«Норд» острым носиком клевал волну и убегал от берега всё дальше и дальше, оставляя слабенький след, который исчезал уже в десятке метров за кормой, потому что не в силах был противостоять даже таким небольшим волнам. Так и не дозвавшись базы по радиотелефону, Кирилл Александрович вышел из тесной рубки на палубу и сейчас, дыша полной грудью подмороженным, но всё равно весенним, как всегда в море, воздухом, любовался неоглядным простором родного залива. Не изменился он за четверть века. Байкал, пишут, изменился, Каспийское море тоже, а вот Олюторский залив остался таким же вольным-раздольным, раскинул синие крыла свои и держит на них небо.

25 лет... Возраст юноши. А для него – срок службы в рыбинспекции. Говорят: много воды утекло. Вон она, вода – сколько было, столько и осталось. Утекло другое. Годы вот, молодость. Да, и не ответишь вот так сразу: что осталось, а что ушло. Тогда, 20 лет назад, бурлила здесь жизнь, вода кипела – от винтов, форштемней, тралов кипела вода Олюторки. Сейчас рыбопромысловые экспедиции как называются – Охотоморская, Берингоморская. А тогда была и Олюторская. Да! И рыба была знаменитая – олюторская сельдь. Сравнить, допустим, с приморской или магаданской – маленькая была, невидная, 23–25 сантиметров, но, как рыбаки говорили, пузатенькая. Круглая, как качалочка, красивая рыбка была, жирная, на вкус нежная, всем нравилась... Такая судьба, видно, у всех красивых да нежных – нарахват... И вот ведь где обман-то, неожиданно подумал Кирилл Александрович, легко припомнив названия плавбаз: «Михайло Ломоносов», «Жан-Жак Руссо», «Фома Кампанелла», «Анатолий Луначарский» – имена! А что они с ней сделали, с бедной маленькой красавицей – полюбили, разлюбили, втоптали в грязь. Вот так вот...

Была у Одинцова эта безобидная привычка – разговор ли, мысли, особенно в волнении, заканчивать этими словами: *вот так вот*. И было в них то ли утверждение, то ли вызов.

На плавбазе «Михайло Ломоносов» в 1966-ом году был штаб экспедиции. Там и познакомился Кирилл Александрович с начальником приморской флотилии Юрием Ивановичем Новиковым, главным, так сказать, браконьером (разумеется, с точки зрения инспектора рыбвода). Промысловая армада уверенно добывала олюторское стадо сельди, за восемь-девять лет низведённое с положения крупнейшего шельфового стада до состояния разрозненных, просверкивающих в смертельном испуге стаяк, которых и не назвать было уже косяками.

На «Ломоносове» без цветов встречали рыбинспектора – полчаса «искали» лебёдчика, потом никак не могли прицепить на гак корзину для пересадки людей. Инспектор негордый был, взобрался по штормтрапу и, на ходу мельком заглянув в приёмный бункер (молодь, конечно, он знал и так, мог не заглядывать), прошёл прямо к начальнику флотилии.

Как голодные волки, рыскали по заливу сейнеры и траулеры, и если удавалось кому поднять трал с добычей, к нему со всех сторон бросались остальные, перепахивали тралами этот квадрат поперёк и вдоль и снова расходились. У инспектора было право штрафовать капитанов за пойманную молодь, и потому добытки десятой милей, как зачумлённую, обходили плавбазу, на которую высадился инспектор, а весть о том облетала флот со скоростью морзянки. На плавбазе тоже недобро косились на инспектора: он здесь – значит, рыбы не будет, не будет и заработка. Всё просто.

И всё сложно до того, что по вечерам голова кружилась от мыслей, точно от шторма: как привести в согласие планы и рвение рыбаков с долгом инспектора рыбвода, садовника Нептуновых садов, защитника всего живого в море. Что он, Одинцов, должен делать с Новиковым? Что может он с ним сделать? Впрочем, что должен, он знал. В архиве инспекции и сейчас ещё, наверное, лежат потемнелые, как прошлогодние листья, рапорты рыбинспектора

из Пахачи. Видя, что не дожидаться ему ответа на свои длинные рапорты-вопли, писал он и в газету, и в журнал, и туда, чьим органом журнал являлся. И однажды на очередном совещании в Питере, Петропавловске-Камчатском, услышал такие слова, правда не обращённые прямо к нему, а брошенные в простор актового зала, вверх, выше голов: «Есть у нас и ретивые без удержу товарищи, которым нелишне будет напомнить, что богатства наших морей – народные богатства, а планы партии и народа – также и наши с вами планы, товарищи. Мы не можем стоять в стороне от пятилетки, мы обязаны шагнуть в ногу...»

Слова, слова... Ведь ваше назначение – соединять людей, а не разъединять, не замораживать людские души. Вот так вот.

– Что же вы делаете, Юрий Иванович? – Такими словами он начал разговор с начальником флотилии тогда, на «Ломоносове».

– Стараюсь, – без тени юмора ответил Новиков, ровесник Одинцову, черноволосый, черноусый, с умными и тоже чёрными глазами.

– И похоже, рады стараться, – невольно помягчев, сказал Кирилл Александрович.

– Вы предлагаете погрузиться? – Вопрос был задан живым, но всё же абсолютно серьёзным тоном. Начальник протянул пачку сигарет. Закурили.

– Я предлагаю другое. Вот так вот!.. Я предлагаю то, что уже предлагал в прошлую путину, правда, не вам, и в позапрошлую тоже: закрыть экспедицию.

– Конкретно, как?

– Доложить вашему руководству, что инспектор Камчатрыбвода запретил промысел на основании «Правил рыболовства».

– Спросят фамилию инспектора.

– Скажете.

– Тогда вас снимут с работы.

– Знаю, я не наивен. Но вы тоже откажитесь вести эту экспедицию.

– Вместо меня пришлют того, кто не откажется.

– Давайте соберём капитанов-директоров со всех «философов» и убедим их сделать то же.

– Нет, вы всё-таки наивный человек, Кирилл Александрович. – Новиков впервые позволил себе улыбнуться, и то чуть-чуть, и то грустно. – Вы полагаете, они согласятся с вами, со мной?

– Возможно.

– Исключено! Я знаю каждого из них лично. В общем, это весьма порядочные и даже симпатичные люди... вроде нас с вами. Но они откажутся от-ка-зы-ваться от промысла, причём каждый по своим мотивам. И тогда вам начнёт казаться, что один из них просто трус, второй законченный карьерист, третий недалёкий человек и так далее.

– И вы считаете, я буду неправ?

– Разумеется! – Быстро ответил Новиков. – Ведь не стали бы вы требовать у солдат одного взвода прекратить войну?!

Он не согласился тогда с этой аналогией, но предложил начальнику флотилии хотя бы вдвоем «бить в колокола» – писать, доказывать, добиваться. Новиков честно отказался: он не верил в успех «пустозвонства и донкихотства», тем более что молчала наука – ТИНРО и ТУРНИФ¹.

На «Ломоносове», оказалось, притаился, по выражению Новикова, один из представителей науки – ихтиолог из ТИНРО. Они познакомились. Ихтиолог, стеснясь и слегка краснея (он и похож был на девушку молодым своим пухлым лицом и бледными тонкопалыми

¹ ТИНРО – Тихоокеанский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии. ТУРНИФ – Тихоокеанское управление рыбопромысловой разведки и научно-исследовательского флота.

руками), поведал о скромной научной задаче, которая увела его в море. «Нерестовые миграции красного окуня» – так называлась тема его будущей диссертации. Кирилл Александрович удивился, а причём, мол, здесь красный окунь. И, заметив, что Новиков давится от смеха за спиной представителя науки, не выдержал и сам улыбнулся. Да, согласился ихтиолог, окуня здесь нет, но плавбаза собиралась идти на Курилы, так что не его вина...

Интересно, подумал Кирилл Александрович, где он сейчас, тот парень? Может быть, уже кандидат, а то и доктор наук. Может, повезло ему, совершил открытие, может, спас окуня от злой судьбы. Дай Бог ему, конечно. Но тогда, на «Ломоносове», получился у них попросту салонный разговор. Как говорится, в пользу бедных. Ихтиолог плакался, что вот заели, дескать, их институт организационные и финансовые проблемы. А Одинцов, который мог перечислять «едучие» проблемы рыбвода точь-в-точь по такому же списку плюс ещё столько же и того же калибра, лишь молча кивал и думал о другом...

Ночь накрывала залив. Волна заметно посвежела и стала заходить от оста, в левый борт. За мысом, в открытом море, здорово, значит, выдаёт, отметил он. А мысли были – что и тогда, на «Михайле Ломоносове», – о бедной маленькой красавице, об олюторской сельди. Такая, видно, судьба у всех красивых да нежных – нарасхват. Вот так вот. Но почему же в любви им не везёт? Ведь без любви-то нарасхват...

В том же, далёком теперь году, с той же самой последней экспедицией ушла от него жена. Он целый месяц метался по судам «браконьерской» флотилии, а она тем временем влюбилась в штурмана плавбазы «Фрэнсис Бэкон». Бот этой базы зашёл в Пахачу за продуктами, а увёз с собой и женщину, маленькую смуглянку-молдаванку, нежную, красивую, влюблённую.

Написанной в спешке запиской она перечеркнула все пять лет жизни своей в «проклятой Пахаче», пять лет замужества, любви и, как тогда казалось ему, полного взаимопонимания. Он со стыдом – за неё – вспоминал эту короткую записку. А она помчалась своей судьбе навстречу без оглядки. Он простил бы ей всё, вернись она даже через год. Но она не вернулась. Он слышал, что она долго работала на «Бэконе» буфетчицей, что бросил её тот штурман, потому что в Питере была у него семья, с которой он и не думал расставаться. Короче, история не очень оригинальная.

Два года прожил Одинцов в тоскливом ожидании и надежде. Потом сжёг оставшиеся её вещи, спрятал фотографию на дно бельевого ящика, под скатерти, которые с тех пор ни разу и не доставал, спрятал вместе с книжкой, раздобытой тогда же, после её побега. Это был Ф. Бэкон, «Новая Атлантида». Он не нашёл в ней того, чего искал, но книга эта странным образом помогла ему обрести душевное равновесие. И он спокойно перечитал затем романы всех философов-утопистов и даже загорелся было их небесно-красивой мечтой. Ведь он был молод тогда, двадцать лет назад, и его мало смущало то, что возраст несбывшихся мечтаний – четыре века.

Теперь он понимал, откуда надо было начинать воплощение красивой мечты – не с неба, нет, с земли, со дна моря, со дна Олюторского залива, с отношения к маленькой красавице сельди.

– Алексаньч! – Крикнули из рубки. – База отозвалась!

– Иду! – Откликнулся с кормы, уже из полного ночного мрака Одинцов и тут только увидел, что ночь овладела миром, что небо проросло звёздами, а по курсу, в миле, не больше, покачивается вверх-вниз гигантское цветное созвездие – плавбаза.

Договорились на удивление легко. Капитан «Удачи» (название-то какое необычное для базы) даже «добро пожаловать» сказал. И минут через десять «Норд» высаживал рыбинспектора на высокий, давно не виданный в заливе борт.

Это был правый борт «Удачи», а у левого стоял уже СРТМ с рыбой, и всю шла приёмка. Молодой чернявый матросик без шапки, в джинсах, предупредительно взяв у

инспектора портфель, хотел вести его в надстройку (так было приказано ему капитаном). Но Одинцов пожелал заглянуть сначала в рыбоприёмный бункер. Матросик показал, откуда это удобней сделать, и Кирилл Александрович убедился, что траулер привёз чистый минтай: в потоках света доброй полудюжины прожекторов, бьющих сверху, с марсовых площадок мачт, с тихим шелестом трепетала тысячами хвостов серебристо-серая масса, в которой, как гривенник среди меди, редко-редко проблёскивала селёдка – совсем незначительный, штучный прилов.

Теперь спокойно можно было идти знакомиться с капитаном, подумал Одинцов, вытирая руки, испачканные чешуёй и слизью, о рыбацкую вязаную перчатку, которую протянул ему заботливый матросик. Да и откуда ей теперь взяться, селёдке, после варфоломеевской резни шестьдесят шестого? Местные рыбаки знают залив лучше собственной хаты, а что привозят на завод комбинатовские сейнера? Тот же чёртов минтай, или мамай, как прозвали его на заводе, когда он попёр в залив после исчезновения сельди.

Кирилл Александрович спросил сопровождающего:

– Тебя как звать?

– Виктор, – просто ответил матрос.

Одинцову безотчётно понравилось, что парень ответил без выламывания. Бывает же так, что скажет человек одно-единственное слово, а за ним, вернее за тем, как он сказал его, каким тоном, проглянет сразу чужой неведомый, светлый мир. И когда вот так среди морозной ночи неожиданно попадаешь в общество незнакомых людей и нервы совершенно непроизвольно стягиваются, как у лягушки под током, сжимаются в комок, единственное слово, совсем не важно какое, но сказанное по-особому, враз может отогреть душу, отпустить нервы.

– А по отчеству? – Он уже не мог остановиться.

– Александрович.

– О, братишка, значит! Я тоже Александрович. Вот так вот. Кирилл. И давно в море?

– Скоро три месяца... А у меня, – само собой вырвалось у парня, – отец Александр Кириллович. – «Правда, здорово?!» – говорили его глаза, когда он повернул к инспектору лицо, на миг остановившись у самого трапа.

– Вот здорово! – подтвердил Одинцов. – Может, мы и в самом деле с тобой того, родичи?

Матрос засмеялся, уже взбегая по трапу. Потом они одолели в том же темпе (Кирилл Александрович едва поспевал за юношей) ещё два трапа, вошли в ярко освещённый овалами плафонов коридор и, постучав в раскрытую дверь, зашли в каюту капитана.

– А, рад приветствовать местную рыбу власть! – Герман Евгеньевич по-молодому резво поднялся из-за стола навстречу гостю, протянул могучую мужицкую руку. Широкая золотая лычка на обшлагах будто подчёркивала мощь его ладони. – Семашко.

– Одинцов, – Кирилл Александрович ответил крепким пожатием и поёжился, как обычно бывает, когда с мороза обдаёт теплом. – Надолго в наши воды?

– Вынужденная посадка, – испытующе, в упор взглянул капитан и на всякий случай добавил: – Как говорят в Аэрофлоте. Лёды выдавили нас из Натальи и Павла... А-а что это мы сразу о деле? – Улыбнулся он и кивнул на полушубок гостя и портфель, который матрос всё ещё не выпускал из рук. – Располагайтесь, устраивайтесь. Кювета для вас приготовлена. Витя, проводи товарища инспектора в кювету начальника экспедиции. – И добавил уже вдогонку уходящим:

– Обоснуетесь – прошу ко мне, поужинаем.

Кювета начальника экспедиции находилась на одной палубе с капитанской, за поворотом коридора. Вошли. Одинцов стряхнул с себя полушубок и, цепляя его на вешалку у двери, разглядел наконец совсем юное лицо матроса.

– Сколько годов тебе, Виктор Александрович?

Витос не любил этого вопроса, но величание отвлекло его мысли, и он сказал просто:

– Восемнадцать.

– И уже на старпомовской вахте стоишь? Молодец!

Большие морские часы на переборке показывали около шести – полвахты, значит, уже пролетело, первой его морской вахты. Витос нажал ручку двери.

– Мне нужно идти. До свиданья.

– Заходи, братишка, потолкуем. Не забывай старика, добро?

– Добро, – повторил Витос давно уже нравившееся ему морское слово.

В рулевой рубке было темно, мерцали подсветкой только компас, машинный телеграф да пожарное табло, пахло перегретой пластмассой и кофе, который старпом всегда заваривал в штурманской. От рулевой рубки её отделяла дверь, обычно открытая, но завешенная длинной светонепроницаемой портьерой. В штурманской над столом с бело-голубыми морскими картами горела лампа на раздвижном кронштейне, высвечивая в месте прокладки чёткий яркий круг размером с иллюминатор. Металлический абажур лампы не пропускал ни капли света, но карта под ним светилась так ярко, что после рулевой штурманская казалась царством света. Витос хорошо различал все движения старпома, стоявшего к лампе спиной. Он разговаривал по рации с флотом:

– Тридцатый, что у тебя за рыба? Приём!

– А, рыба известно какая – минтай! – Весело отозвалась рация. – Крупный, чистый.

– А, ну давай, подходи на сдачу – правый борт, пятый номер трюма. Как понял?

– Добро, иду, понял – пятый номер, правый борт.

– Семнадцатый – «Удаче»! – Снова позвал старпом и, не слыша ответа, крикнул погромче: – Сэртэм 8–417 – «Удаче»!

– Слушает Семнадцатый, – ответил приёмник.

– Что поднял?

– А, слёзы поднял – тонн десять.

– А что за рыба, с приловом, нет?

– Есть маленько. Селёдка, процентов двадцать.

– А, ну смотри, с такой рыбой и близко не подходи. У нас гость на борту. Понял?

– Да слышали уже... гость, в рот ему кость. Что ж теперь делать, ковыряться в этой рыбе?

– Твоё дело. Смотри, диплом у тебя один.

– «Удача» – СРТМ 8–420! – Рявкнул приёмник.

– Слушаю! – Тоже хриплым басом передразнил рыбака старпом. Но тот и ухом на такой юмор не повёл:

– На сдачу иду. Тонн тридцать, чистый минтай.

– А, молодец, Двадцатый, – уже своим голосом отвечал старпом. – Левый борт – твой. Сейчас Полста седьмой заканчивает, отскочит – подходи. Как понял?

– Понял. Добро.

– Идёт рыбка! – Повесив микрофон, старпом быстро-быстро потёр ладонь о ладонь и улыбнулся. – На пай капает. Понимаешь, матрос? На пай!

В улыбке его был обычный взрослый материализм, который иные прикрывают вот так – иронией, полуигрой в корыстолюбцев, а другие, люди попроще, наоборот, не скрывают, а выражают улыбкой, земной, откровенной: мол, пай растёт, прекрасно на берегу повеселимся. Красивое лицо старпома вмиг постарело от улыбки, пошло морщинами. Витос слышал, что он ловелас, любит женщин и вино. Мефистофель, мелькнуло в мыслях, но он тут же зачеркнул это нелестное впечатление: нет, просто здесь игра полусвета, много теней. А старпом между тем продолжал:

– Если рыбка так и дальше пойдёт, ты скоро богатым женихом будешь... Невесту-то уже подыскал, небось, а?

Витос отвёл глаза и залился краской, благо в штурманской был полумрак.

– Да ты не стесняйся, дело житейское. Насчёт невесты я шучу, конечно: какой дурак в восемнадцать лет женится? Просто будь осторожен: на флоте ушлые девочки попадают. Подставит, окрутит – и глазом не моргнёшь. Лучше иметь дело с женщинами.

Витос не знал, куда деваться, он уже стрельнул раз на старпома глазами и сейчас чувствовал, как что-то закипает в груди. Ему уже было жарко...

– «Удача» – полста седьмому! – Спасительно заорала рация.

– Слушаю, Полста седьмой! – Так же ошалело громко, юродствуя, крикнул чиф.

– Закончили сдачу, – уже тише, спокойнее заговорила рация. – Отдайте кончики, пойдём рыбачить дальше. Приём!

– Добро, сейчас пошлю моряка. – Старпом кивнул головой Витосу в сторону правого борта. – Двадцатый – «Удаче»!

– На связи, – прохрипела рация.

– Заходи на швартовку.

Витос, на бегу натягивая перчатки, уже летел по трапам вниз и, охваченный бодрящим морозцем, под колкими взглядами звёзд вновь чувствовал себя счастливым, мужественным и гордым...

В капитан-директорском салоне становилось душно. Герман Евгеньевич, слегка уже отяжелевший, раскрасневшийся, встал с кресла, чтобы открыть иллюминатор. Он знал по опыту, что инспекторов рыбвода надо обильнее «поливать», чтоб они не мешали рыбалке, не отпугивали рыбаков, не лазили в бункер с линейкой измерять «хвосты», – всё это он давно и прекрасно знал и сейчас с удовлетворением отметил про себя, что очень вовремя сделал в посёлке Беринговском запас. Его не смущало, что этот Одинцов почти не пьёт – за целый час только пригубил из фужера. Надо «личным примером», решил капитан.

Разговор шёл нейтральный – о жизни в море и жизни на берегу, о деревне и городе, о «перестройке с перестрелкой», о японских мегаполисах и китайских провинциях.

Под новый тост капитан бухнул себе полный фужер, а гость упредил его поползновение долить, прикрыв свой бокал широкой ладонью, обветренной, золотисто-коричневой с тыла.

– Нехорошо так, Кирилл Александрович, – пожурил его капитан и хитро, со значением улыбнулся. – Смотри не прогадай, а то я парень такой, могу и самостоятельно справиться.

Он кивнул на почти уже опорожнённую бутылку, но ожидаемого голодного блеска в глазах инспектора не увидел.

– Одна закуска у нас ни в дугу! – Сказал он, шумно выдохнув и озирая весёлыми глазами блюда с ветчиной и селёдкой. – Пора, наверное, – он оглянулся на часы, – да, пора уже задействовать и буфет.

Он встал, подошёл к своему необъятному письменному столу (Одинцов подумал: да он больше всей рубки «Норда»), перегнулся через него, чтобы не обходить, и «задействовал» кнопку на дубовой панели. Не успел капитан снова усесться в кресло, как появилась буфетчица, в кофточке, в брючках, в белом переднике.

– О! – Удовлетворённо воскликнул Герман Евгеньевич, и сам искренне удивлённый столь безотказным и быстрым действием кнопки. – Украинского борща, Кирилл Александрович, желаешь?

– Нет, нет, спасибо! – Запротестовал Одинцов. Ему представилось на миг, когда капитан сказал про буфет и нажал кнопку, что он находится на «Бэконе» и что сейчас может войти его бывшая жена.

– Ну, тогда принеси нам по порции второго, – Сказал капитан, и девушка исчезла.

Капитан взял большой селёдочный хвост, сунул его в рот и тут же вытащил голый хребет с синим хвостовым пером, широким, как у голубя-сизаря.

– Селёдка охотоморская? – Спросил Одинцов.

– Откуда ей взяться, охотоморской? Пятый год как закрыли, тебе ли не знать, дорогой? – Жуя и глотая, проговорил капитан. – Оттуда, – он мотнул головой через плечо, – с Берингова. В прилове попадается изредка, вот и посолили для себя. Нравится?

– Мне олюторская больше нравилась.

– Ну-у-у, ты тоже, Кирилл Александрович, вспомнил, ха-ха, доисторические времена.

– Да вот забыть не могу, – признался Одинцов. – Уж больно грубо тогда с ней...

– А-а, ну да, это было, чего сейчас скрывать! – Радостно согласился Герман Евгеньевич, для которого олюторская селёдка тоже была воспоминанием молодости, бурной и беспшабашной. – Шерстили мы её, аж пыль столбом!.. Году в 62-ом, помню... «Звёздная» флотилия тут разворачивалась... СРТ «Андромеда» – это мой пароход был, я на нём в штурманах ещё ходил... Помню, помню – тьма рыбы было! Поднимаешь трал – хвосты сквозь ячеи торчат... Когда рыба крупная, известно, они торчат не будут. Ну а сортировать её некому и некогда. Так что трал расшворишь, даже на борт не поднимаешь, снова возьмёшь на шворку – и пошёл по новой тралить.

Буфетчица принесла тарелки с дымящимся гуляшом, они механически её поблагодарили и, поглощённые одним воспоминанием, так по-разному замороженные им, продолжали разговор.

– Я тебе расскажу сейчас, ой, со смеху помрёшь, – тряс головой Герман Евгеньевич, смеясь и подступаясь к гуляшу, – расскажу, как Витька Бугай стал передовиком... Он на «Денебе» капитаном был. Виктор Евстафьевич Бугаевский – звезда Олюторской экспедиции!

Одинцов, глубоко задумавшись, уставив взгляд на рдеющий конец сигареты, слушал и одновременно вспоминал ихтиолога. Вот если б не сидел тот на «Ломоносове» в обнимку со своим красным окунем, а прошёлся хотя бы разок-другой по «звёздной» флотилии тогда, четверть века назад, когда ещё можно было спасти олюторское стадо...

Капитан взялся за вилку, она почему-то выпрыгнула из руки, но он не дал ей упасть, прижал локтём, испачкав обшлаг красным соусом. Осмотрел с юмором локоть, взял салфетку, обтёр и, раздумав закусывать, продолжал:

– Сдавали мы рыбу в бухте Лаврова, вот тут, – он показал пальцем на раскрытый иллюминатор. – Ну, как делают обычно? Сдал и бежишь быстрее в район лова, к толпе пароходов, так? Та-ак. А Бугай на своём «Денебе» взял как-то раз и включил эхолот прямо на выходе из бухты. Ага, включил, глядь – косяк прописал. Ну, что долго думать – бах трал за борт, поднимает – полный. Он разворачивается – и по новой на сдачу. Ага, сдал, выходит, опять включил. О-па – опять косяк. Поднял его, развернулся, сдал. И таким вот манером, втихаря всех нас обставил, и намно-о-го обставил. Ну, тут все газеты, радио: герой, стахановец... Орден получил! Кажется, «Красное Знамя». О как!

– Ну а ни у кого из вас не шевельнулось вот тут, – Кирилл Александрович коснулся пальцами груди, – когда вы тралы расшворивали? Что ж мы, голуби, дескать, творим, что детям нашим оставим?

– Да что ты, Алексаныч! Рыбы как грязи было! Да её и сейчас... и детям, и внукам – всем хватит! Океан-батюшка во-о-н какой великий, – капитан повёл рукой от подволока через переборку до палубы, – так что не надо беспокоиться, дорогой то мой рыбинспектор.

– Надо, – коротко возразил Кирилл Александрович. – А то всё живем по заповеди: ломать – не строить, пахать – не сеять. Вот так вот!

– Во-во, эт верно. – Капитану уже явно хотелось спать. – Мы – пахари, *пахари голубой целины*, с нас какой спрос?

– Ну а насчёт рыбы-грязи могу вот это показать, – Кирилл Александрович вынул из внутреннего кармана пиджака большую записную книжку, достал листок и протянул через стол.

Герман Евгеньевич встряхнул кудрями, взял листок. Это была вырезка из журнала. Но уже сработала капитанская привычка – в каком бы ни был состоянии, днём ли, ночью, предельно внимательно читать любую бумагу, будь то радиограмма или что ещё. И он стал читать вслух, трезво, внятно, вникая в смысл:

– Океан беднее суши. Новости экологии. Недавние надежды на океан, как на богатейшую житницу, не оправдались. В этом окончательно убеждает составленная географами Московского университета карта распределения живого вещества Земли. Обширные районы в центральных зонах Тихого, Индийского, Атлантического океанов оказались столь же пустынными, как и ледяные просторы Гренландии! Впрочем, это неудивительно, поскольку живого вещества в Мировом океане, как удалось установить, в двести раз меньше, чем на суше (а если сравнивать «сухой вес» того и другого, то в 350 раз). В целом же концентрация живого вещества на суше в тысячу раз выше, чем в океане. Даже в такой пустыне, как Сахара, живого вещества куда больше, чем во многих обширных районах Мирового океана...

– Да-а-а, – протянул по нисходящей ноте капитан. А инспектор неожиданно встал и сказал:

– Спокойной ночи.

Было и в самом деле поздно.

III. Минтай, «рыба века»

Из морского дневника:

22 апреля 1984, воск. Пасха сегодня. Вот со святого Воскресенья дневник и начну. На Большом рейде стоим у острова Шумшу (самый северный из Курил). «Полтинник» мой (РМБ «50-летие СССР») перегружает продукцию на «Карское море». С утра до ночи и ночь напролёт под бортом, где идёт приёмка рыбы и через шпигат высасывают отходы из цеха, – чайный шумный базар. Начались весенние туманы.

Заштормило от души – больше 30 м/сек. Ветруган. Стоим у Озерновского рыбокомбината, на юго-западе Камчатки. Море бледно-бледно-зелёное, взбитое с пеной – почти речной цвет. И – солнце в косматом небе. И чайки постанывают и подвывают, с глупышами серенькими прячутся у подветренного борта.

К нолю попал в гости к флагманам, коих на «Полтиннике» десятка полтора было: из ПРП, ВБТРФ, ПКРКС, ХКРКС (Приморрыбпром, Владивостокская база тралового и рефрижераторного флота, Приморский и Хабаровский Крайрыбакколхозсоюзы), одних флагманских помполитов четверо, было и такое чудо – флаг-инженер ПРП по организации соцсоревнования. В экипаже дивятся количеству тунейдцев на рыбьем хвосте. А на «Аваче», запущенной в тех. отношении донельзя, не работают опреснители, пресную воду в системы, говорят, уже два месяца не дают. Моются морской. Я добыл 3 л лишь на второй день и молюсь на эту банку. Встретил на борту камчатского флагманского инженера по ТБ, говорю: что ж вы не шумите об этом? А он: сколько лет уже шумим, а только Дальрыбе, видно, плевать на нас. Озерновский р/комбинат как раз находится в эпицентре главной экспедиции – Охотоморской минтаевой, вечно страдающей от безводья. Там, в Озерной, добрая речка есть, можно запросто, говорят местные, оборудовать водозабор – вывести в море капроновые шланги на поплавках. Пей на здоровье, и не нужны танкера-водолеи, которые во всех экспедициях нарасхват. А я как раз, побывав в Русской, нацелился прокричать о водяном голоде рыбаков в «Литературную газету», да заодно и о др. бедах, о заброшенности рыбацкого племени. Хрен с ней, с визой. Хотя, конечно, так хочется побывать в Японии, Новой Зеландии, Австралии, Индии!..

8.05.84, вт. Про водозабор толковал у карты Западной Камчатки с капитанами. Глубины малые там у берегов – 5–6 м, а осадка у п/б около 10 м. Значит, шланг выводить надо на милю-полторы от берега да зарывать в дно плугом, чтоб МРСки (малые рыболовные сейнера) тралами его не цепляли, а в море ставить эстакаду для вывода шланга на поверхность. И ещё посчитали, что 30 плавбаз, работающих обычно здесь, дают за путину – на 40 млн. руб. продукции каждая, так вот всего-навсего одной тысячной хватило бы на устройство водозабора. А попробуй пробей! Полвека рыбачат здесь и полвека пьют рыбаки дрянь вместо воды, зарабатывая себе болячки.

Позавчера с РС «Павловского» (рыбколхоз им. 1 Мая) высадили на «Чуев» больного матроса. А вчера вызвали из Петропавловска вертолёт – забирать его в больницу. Главврач «Чуева» Владимир Петрович Лавров, хирург-онколог, в прошлом, говорят, ведущий хирург Риги, спившийся затем, сказал: деструктивная пневмония, парень больше м-ца ходил с гнойничковыми язвами на руках, ногах, на всём теле, пока стафилококк не попал в лёгкие, и они стали рассыпаться. В 25 лет парень сгноил себя заживо. Стеснялся? Заработок боялся потерять? У колхозников, где заработки втрое больше гослова, и этот мотив не исключён. «Он до утра не доживёт», – сказал док. И вот огромный вертолёт сделал три круга над «Чуевым», у которого нет вертолётной площадки, как у баз В-69 и типа «Спасск», прицелился и наконец

завис, как на нитке, винтом едва не цепляя за снасти (стрелы, шкентеля арочной фок-мачты), спустил на тросике люльку, куда уложили носилки с хлопцем, поднял и улетел, провожаемый взглядами трёх экипажей стоящих в связке судов: «Чуева», «Авачи» и «Сахалинских гор».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.